

Непрочитанные страницы наследия

Время возвращает нам отторгнутые от наследия статьи и письма Горького. Они позволяют не только восстановить выпавшие страницы творчества выдающегося писателя, но и понять художника в сложной динамике его мыслей и чувств, в борьбе за общечеловеческие ценности, культуру, ощутить подлинный трагизм его исканий. То, что недавно рассматривалось в биографии Горького весьма упрощенно, выпрямлялось, мы осознаем теперь как глубоко человеческую по своему содержанию драму художника, отражающую важнейшие коллизии первой трети XX столетия. Творчество писателя-гуманиста без изыятий и купюр дает возможность посмотреть на него другими глазами, убедиться в том, сколь мучительно трудным был его путь к пониманию переломных исторических событий нашей эпохи, свидетелем и участником которых ему довелось быть.

Первые публикуемая на русском языке статья «Интеллигенция и революция», написанная весной 1922 года после отъезда за границу, представляет интерес как одна из первых попыток Горького в условиях изменившейся международной ситуации внести существенные коррективы в свое отношение к Октябрьской революции, которую он принял не сразу, что нашло отражение в цикле статей «Несвоевременные мысли» (1917—1918 гг.). В данной статье Горький выступает в защиту Октябрьской революции, против тех, кто видел в ней только выражение бессмысленной жестокости, отдает должное мужеству большевиков, сумевших овладеть крестьянской анархией, совершить переворот и начать работу по созданию социалистического государства. Статья показывает, как к Горькому — вопреки его недавним опасениям — постепенно возвращается вера в творческий потенциал революции, в ее способность духовно возродить нацию, человека, индивидуальность. Объясняя свою позицию в письме к Г. Уэллсу от 2 мая 1922 года, Горький утверждал: «Я совершенно убежден, что никогда еще влияние личности на ход истории не было так очевидно, как в наши дни. Чтб видеть это, не нужно вспоминать Ленина, Ллойд Джорджа, Пуанкаре, нужно знать работу тех рыца-

рей культуры, которые неустанно и мужественно чистят авгиевы конюшни жизни, лечат раны истерзанной России» (Архив А. М. Горького).

Вместе с тем в статье «Интеллигенция и революция» Горький продолжает свою полемику с большевиками об отношении к интеллигенции и ее роли в исторических событиях в России, отстаивает свою точку зрения по этому вопросу, обращает внимание на поучительный опыт русской революции, ее уроки и ошибки.

Гуманистический пафос статьи Горького направлен против оправдания жестокости и насилия в отношении народов и странами, против войн, социального неравенства, нищеты, всего того, что мешало взаимопониманию людей в современном мире, уничтожает их интеллектуальные силы, культуру, препятствует движению человечества к социальному прогрессу. Одно из условий преодоления последствий общественных катаклизмов, разобщенности народов, их вражды друг к другу Горький видел в возобновлении связей между деятелями культуры Запада и Востока, — связей, которые были прерваны первой мировой войной.

Вот почему Горький — боржник такого рода контактов — откликнулся на просьбу одного из редакторов английской газеты «Манчестер Гардиен» Д. М. Кейнса, который 23 марта 1922-го писал ему:

«Дорогой сэр, «Манчестер Гардиен» выпускает вскоре под моей редакцией серию из двенадцати специальных приложений относительно реконструкции Европы. Мы надеемся, что эти приложения получат интернациональное распространение, причем они будут опубликованы не только на английском, но и на французском, немецком, итальянском, испанском и чешском языках. Каждый выпуск будет в основном касаться специального вопроса и, соответственно настоящему плану, пятый выпуск, который появится в начале июня, должен отражать общее мнение Европы по поводу проблемы России.

Я уже согласовал вопрос относительно статей от Ленина и других ведущих большевиков, а также от

ведущих государственных лиц Западной Европы, включая Пенлеве и лорда Роберта Сесиль. Там будет также раздел о голоде, о котором обещали написать доктор Нансен и др. Эта тема столь важна для европейской цивилизации, что, мне кажется, в ее обсуждении могут с успехом принять участие как писатели, так и государственные люди и экономисты. М-р Анатолий Франс уже пишет для одного из моих выпусков. И я почту за великую честь, если Вы пожелаете сотрудничать как представитель писателей России.

Я не хочу навязывать Вам никакой темы и предоставляю Вам самому выбрать таковую. Но я предполагаю, что Ваша статья должна отражать существующее культурное положение в России и то большое значение для европейской цивилизации, которое имеет возобновление сношений между гениальными людьми Востока и Запада Европы» (Архив А. М. Горького).

Горький принял предложение Д. М. Кейнса и 16 апреля 1922 года сообщил Г. Уэллсу, что «написал статью для Д. Кейнса». Вероятно, дата — «май, 22. Берлин» — была поставлена Горьким непосредственно перед отправкой статьи Д. М. Кейнсу. В письме от 10 мая 1922 года Д. М. Кейнс сообщил Горькому о получении статьи, благодарил его и выражал надежду на то, что она «вызовет повсеместно самый большой интерес среди читателей» (Архив А. М. Горького).

Статья Горького была напечатана 6 июля 1922 года в переводе на английский язык в четвертом номере серии «Реконструкция Европы» (специальное приложение к газете «Манчестер Гардиен») одновременно со статьей А. В. Луначарского «Культура в Советской республике».

Статья Горького печатается по автографу (Архив А. М. Горького).

Владимир БАРАХОВ,
Доктор филологических наук, заведующий
Архивом А. М. Горького Института мировой
литературы им. А. М. Горького АН СССР.

М. Горький

Интеллигенция и революция

ЕВРОПЕЙСКАЯ интеллигенция оценивает Великую русскую революцию как большой скандал в стране полудиких людей.

Мне кажется, что было бы общечеловечески полезно и вполне своевременно заметить эту — мягко говоря — несколько поверхностную оценку исторического события более вдумчивым отношением к нему.

Главным образом и чаще всего говорят и пишут о жестокости русской революции. Я не принадлежу к числу тех людей, которые, ослепляясь и обьяняясь интересами партии или национальным самомнением, склонны петь дифирамбы «священной грубости народа» или писать апологию бессмысленной жестокости. Разумеется, я не могу быть объективным, как мертвый, ибо кое-что ненавижу, многое люблю. Знаю, что следует различать жестокость, вынужденную условиями момента борьбы, от жестокости, которой люди предаются ради развлечения и наслаждения, но лично я не сумел бы провести эту черту различия между проявлениями одной и той же отвратительной сущности.

Существуют эсты жестокости, их психологию прекрасно выразил один из предшественников и учителей политиков современных нам, великий убийца монгол Чингисхан, он сказал:

«Наслаждение и блаженство человека в том, чтб возмужавшего — подавить, врага — победить, вырвать его с корнем, все, что он имеет — взять, заставить вопить домочадцев его, заставить течь слезы по лицу и носу их».*

Я уверен, что если б этот разрушитель жизни написал в свое время «Апологию жестокости», его книга была бы наиболее популярной и читаемой в современной, христианнейшей Европе. Ее с наслаждением читали бы во Франции, черпая в ней оправдание Версальского договора, в Германии, где растет чувство мести и реванша, ее читали бы с удовольствием фашисты Италии, ею пользовались бы, как руководством, любители негритянских погромов и антисемиты всех стран, эту книгу охотно читали бы мои соотечественники в России и, вероятно, с великим вниманием изучали бы ее те русские эмигранты, которые так бескорыстно мечтают об интервенции и поголовном истреблении всех большевиков с женами и их детьми, с кошками их и собаками.

В прекрасной книге Рабиндраната Тагора «Дом и мир» Сандип говорит:

«Когда личность или народ становится неспособным творить несправедливость, его сметают в сорную корзину мира».**

Можно выписать из различных книг несколько десятков и сотен — если угодно — таких изречений, все они будут свидетельствовать о том, что жестокость не только политически оправдывается, но и поэтически воспевается в гуманистической Европе. Например, знаменитый германский ученый Трейчке*** говорил: «Самый ужасный и ненавистный недостаток в политике — слабость, это — преступление против Святого Духа политик-ки».

Эта философия дала блестящие — огнем и кровью — практические результаты во дни зверских битв 14-го — 18-го годов и надолго выпачкала грязью и кровью самую душу цивилизованной Европы. В этих битвах миллионы рабочих и крестьян Европы, Америки, Азии и Африки четыре года резали и разрывали на куски друг друга с трудолюбием и энергией, которой было бы, я думаю, вполне достаточно для того, чтоб, оросив пустыню Сахары, сделать всю ее обитаемой, создать из пустыни цветущую страну.

Жестокость, видимо, такое же естественное явление, как, например, чума или туманы Лондона, но — разумеется — явление более вредное и отвратительное, ибо исходит не от стихии, а от человека, который стремится к власти над стихиями.

Можно думать, что среди микроорганизмов, возбуждающих болезни, существует и ядовитейшая бактерия жестокости. Как плазмодий лихорадки живет на болотах, среди гниения, так бактерия жестокости избрала для себя область политики.

И мы видим, что человек, зараженный ею, творец всех фактов, легко подчиняется худшим из них, совершенно забывая, что он способен на многое, значительно более полезное, чем разрушение, грабеж и убийство.

Жестокость народных масс, разумеется, более естественна, чем жестокость политиков. Источником ее — как это известно — является животное, зоологическое начало человека, но — кто решится отрицать, — что это начало укрепляется и развивается идеальным строем капиталистических государств?

Если даже и родиться мягким, добрым человеком, то все-таки, знаете ли, в высшей степени трудно сохранить эти ценные качества, когда тебя бьют по лицу и всячески уечат, прибавьте к этому удары по душе, которыми мы так щедро награждаем друг друга. Трудно быть добрым человеком в социальной системе, где миллионы людей всю жизнь проводят в грязи, пьянстве, разврате, в унижении, нищете и каторжной работе под землей, в шахтах, а тысячи живут в раздражающей и, нередко, бессмысленной роскоши. Трудно быть добрым человеком после четырех лет прямого и косвенного участия в массовом убийстве.

Все это слишком хорошо известно, и можно бы не говорить об этом, если б мы помнили, что именно социальное неравенство, классовая система государств и является возбудителем зависти, жадности, злобы, ненависти и жестокости.

Эта система не может не затруднять духовный прогресс человечества, в факте социального неравенства коренится причина всех искажений человека, всех трагедий жизни и здесь заложена едва ли устранимая возможность гибели европейской культуры — самой мощной и плодотворной культуры мира.

И вот несколько сотен русских интеллигентов, во главе нескольких тысяч воспитанных ими и организованных в партию русских рабочих, решились разрушить идеально несправедливый строй жизни в

огромной стране с населением в 150 миллионов, из которых 85 % крестьяне, — безграмотные, полуграмотные, а в общем — полудикие.

Они решились сделать это для того, чтоб, разрушив отжившее и гнилое, воссоздать на месте его и в поучение миру государство равенства и социальной справедливости.

Поступок — безумный, если принять во внимание инертность массы крестьян, слабое развитие промышленности и целый ряд других условий, которые — в общем — делают Россию страной очень оригинальной — к сожалению.

Но это поступок все-таки менее безумный, чем, например, четырехлетняя европейская война, возбужденная корыстолюбием, жадностью, бесчеловечием, войной, в которую, для истребления европейцев, были приглашены дикари Африки.

В начале разрушительной работы вождей русской революции я выступил в печати против них со всей присущей мне резкостью****. Я не верил, что такой маленький рычаг способен сдвинуть с мертвой точки огромную, свинцовую массу русского народа, боялся расширения и углубления жестокости и полной гибели в хаосе крестьянской анархии всех зародышей оригинальной русской культуры.

Кроме этого я — немножко — марксист, верил в детерминизм, в неодолимую силу исторической необходимости, которая — как учил Маркс — и не один он — сводит почти к нулю роль личного начала, личной энергии в процессе истории.

Но сейчас для меня самой великой заслугой русской революции пред культурным миром является именно тот неопровержимый — на мой взгляд — факт, что русская революция с поражающей силой выдвинула на первый план как начало все решающее и все возмужающее — личность, индивидуальность. Человека, начало всего сущего и воображаемого.

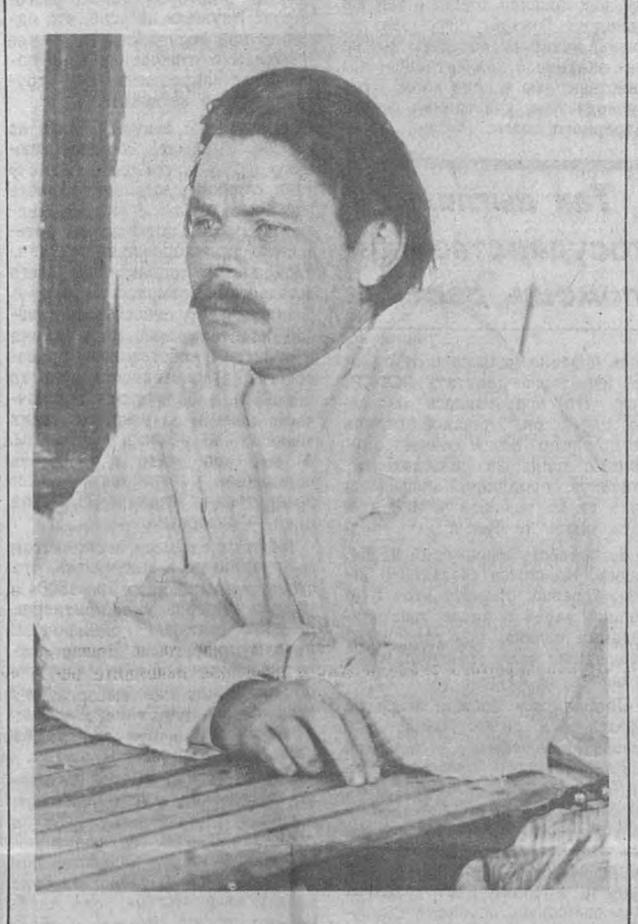
Сказанное выше очень не понравится ортодоксам марксизма и моим друзьям, этим извергам, которые ужаснулись культурный мир, осмелевша опрокинуть изгнившее строение Российской империи, отреагировали от нищеты, убогой жизни на богатой русской земле, пытаются создать разумную, достойную человека жизнь, пробуют — в сущности — реализовать те принципы, которые проповедовал кроткий Христос, небесный вождь христианской Европы, которая так много и бескорыстно затратила золота, великодушно разжигая и поддерживая гражданскую резню в России.

Скажут, но ведь Советская власть признала капитализм, значит историческая необходимость торжествует!*****

Нет, после гигантского прыжка вперед из плена необходимости к свободе, после толчка, данного сырой и тяжелой массой русского крестьянства, можно отступить на шаг, на два к прошлому, но уже нельзя вернуться в гнилое болото его.

Да, все это совершалось и совершается в крови, в атмосфере бесчисленных драм, с жестокостью часто бессмысленной и не имеющей оправдания.

Но утрача живой человече-

ской силы, уничтожение мозга — самого драгоценного вещества в мире — материальные и духовные убытки, которые нанесла Россия сама себе, неизмеримо меньше убытков, понесенных Европой в годы войны и все еще возрастающих в сумме своей.

Подсчитайте, сколько на полях прекрасной Франции и других точках земля уничтожено ценнейших работников культуры, сколько разорвано, истреблено мозгов, — субстанция, из которой исходит все прекрасное и чудесное на земле. Ради чего погублено все это?

Вожди русской революции сделали немало крупных ошибок и сами неоднократно признавали это. Их ошибки поучительны как нельзя более для реформаторов и творцов будущего Европы, ибо нередки ошибки приближают к истине.

Ошибками всей русской интеллигенции является партийный раскол внутри ее, эта ошибка считается политически неизбежной, психологически обоснованной.

Для меня это раскол одной и той же — по сущности — энергии, на несколько частей различной скорости движения. Общая цель этой энергии — возбудить активное, сознательное отношение к жизни в массе народа, организовать в ней закономерное движение и тем предотвратить анархический распад ее. Конечно, эта цель была бы достигнута легче и быстрее, если б интеллектуальная энергия страны не раздробилась, но, разумеется, политики сочтут эту мысль наивной. Думаю, если б Ленин и его группа не взяли власть в свои руки, крестьянская анархия разразилась бы в России с ужасающей силой, и вместо гражданской резни при благосклонной помощи европейского ка-

питала мы имели бы в России бесчисленные битвы деревни с городом. Не знаю, которое из двух зол меньше, но, кажется, второе — злее.

Тяжелой ошибкой Советской власти я считаю неправильную оценку ею значения квалифицированной интеллигенции в процессе революции — революционное значение свободно работающих деятелей науки и техники.

Эта неправильная оценка создала разрыв между волею и интеллектом группы психологически единой, ибо люди науки и техники по существу своему, такие же — если не более — революционеры, как Ленин, Троцкий, Красин и другие вожди величайшей революции мира.

Если бы с первых же шагов своих Советская власть сумела привлечь к своей задаче творцов науки и техники, процесс разрушения промышленности не выразился бы в таких формах и таком объеме, как это случилось, а кроме того, и моральное значение единства этих двух сил — одной временно, другой вечно — повлияло бы очень благотворно на предубеждение и консерватизм Европы.

Вот, мне кажется, один из хороших уроков, которые дает русская революция интеллигенции и рабочим Запада.

Чем значительнее участие интеллектуальной силы в бурном потоке революционной воли, тем быстрее и организованней совершится великий акт перехода к новым формам социального бытия.

И само собой разумеется, тем меньше будет сделано отвратительных глупостей, меньше пролито человеческой крови, меньше будет истреблено мозгов — таинственного вещества, которое творит чудеса науки, искусства, техники.

Май, 22.
г. Берлин.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Источником, которым пользовался Горький, обнаружить не удалось. Аналогичное высказывание приводит в своей книге Б. Владимиров «Чингисхан», Берлин, изд-во З. И. Гржебина, 1922, стр. 116: «Всякая радость человека заключается в том, чтобы победить своих врагов, гнать их перед собою, отнять у них то, чем они владели, видеть лица, которые им были дороги, в слезах, ездить на их конях, сжимать в своих объятьях их дочерей и жен».

** Горький неточно цитирует слова Сандипа. «Когда отдельная личность или народ становится неспособным несправедливо творить несправедливость, его сметают в сорную корзину мира» (Рабиндранат Тагор. Дом и мир. Роман, Берлин, изд-во С. Ефрон, 1922, стр. 122—123).

*** Генрих Трейчке (1834—1896) — немецкий историк и публицист, автор книги «Немецкая история в 19 столетии».

**** Горький имеет в виду цикл статей «Несвоевременные мысли», в которых он доказывал свою мысль о «несвоевременности» социалистической революции в России.

***** Речь идет о новой экономической политике, принятой X съездом партии в 1921 году.

(Публикацию подготовил В. БАРАХОВ).